

УДК 327.8+32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_48

«ОСТРАЯ СИЛА»: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Александр Олегович Наумов,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
naumovao@my.msu.ru

Марина Владимировна Белоусова,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
belousova@spa.msu.ru

Статья поступила в редакцию 05.07.2022, принята к публикации 02.11.2022

Для цитирования: Наумов А.О., Белоусова М.В. «Острая сила»: критический анализ в современном научном дискурсе // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 48–65. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_48

Аннотация

Целью статьи является критический анализ концепции «острой силы», разработанной К. Уокером и Дж. Людвиг, сотрудниками Национального фонда в поддержку демократии. Исследователи понимают под «острой силой» все формы внешнеполитического влияния нелиберальных режимов и фактически отрицают их способность применять технологии «мягкой силы». Поскольку данный тезис приобретает особую актуальность ввиду эскалации противостояния коллективного Запада и стран, которые принято относить к нелиберальным демократиям или авторитарным режимам,

© Наумов А.О., Белоусова М.В., 2022

авторы статьи предпринимают попытку осмыслить понятие «острая сила» через призму критики трудов зарубежных и отечественных ученых, посвященных как полемике с К. Уокером и Дж. Людвиг, так и разработке альтернативных толкований концепта. Дж. Най, родоначальник понятий «мягкая» и «умная» сила, утверждает, что «острая сила» есть не что иное, как новый термин для описания одной из сторон «жесткой силы». В то же время многие западные исследователи рассматривают «острую силу» как независимый от «мягкой силы» феномен. Российские исследователи выходят за пределы западного мейнстрима и указывают не только на гибридный характер понятия, но и на его конъюнктурное толкование. Авторы статьи приходят к выводу, что применение технологий «острой силы» – это не неотъемлемое свойство деятельности нелиберальных стран, а универсальное явление, которое служит для описания деструктивных практик с применением ресурсов «мягкой силы». Для выделения рассматриваемого понятия в самостоятельную аналитическую рамку необходимо отказаться от его политизации.

Ключевые слова:

«острая сила», «мягкая сила», нелиберальные режимы, информационные войны, либеральный консенсус, бинарные оппозиции.

UDC 327.8+32.019.51

DOI 10.17506/18179568_2022_19_4_48

SHARP POWER: CRITICAL ANALYSIS IN MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE

Aleksandr O. Naumov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
naumovao@my.msu.ru

Marina V. Belousova,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
belousova@spa.msu.ru

Article received on July 5, 2022, accepted on November 2, 2022

For citation: Naumov, O.A., Belousova, M.V. (2022). Sharp Power: Critical Analysis in Modern Scientific Discourse. *Discourse-P*, 19(4), 48–65. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_48

Abstract

The purpose of the article is a critical analysis of the sharp power concept developed by Ch. Walker and J. Ludwig, the staff of the National Endowment for Democracy. The researchers comprehend sharp power as all the forms of foreign policy influence of illiberal regimes and actually deny their ability to use soft power technologies. Since this thesis is becoming particularly relevant due to the escalating confrontation between the collective West and countries that are commonly referred to as illiberal democracies or authoritarian regimes, the authors of the article attempt to conceptualize sharp power through critical analysis of works of foreign and domestic scientists devoted to both the polemic with Ch. Walker and J. Ludwig, and the development of an alternative interpretation of the sharp power concept. J. Nye, the father of the soft and smart power concepts, argues that sharp power is nothing but a new term to describe one of the aspects of hard power. At the same time, numerous Western researchers consider sharp power as a phenomenon independent of the soft power concept. Russian researchers go beyond the Western mainstream and point not only to the hybrid nature of this concept but also to its opportunistic interpretation. The authors of the article conclude that the application of sharp power technologies is not an inherent property of the activities of illiberal countries, but a universal phenomenon that serves to describe destructive practices using soft power resources. It is necessary to abandon the politicization of the sharp power concept so that it can be applied as an independent analytical framework.

Keywords:

sharp power, soft power, illiberal regimes, cyber wars, liberal consensus, binary oppositions.

Введение

Текущий переход от однополярного к многополярному миру оказывает разрушительное воздействие на продвигаемый коллективным Западом уже не одно десятилетие либеральный консенсус, под которым понимается наличие связи между либеральной демократией, свободным рынком и экономическим ростом. Вместе с этим мейнстримный дискурс, используемый для противопоставления западного общественного уклада как идеала политического устройства незападным обществам, описываемым в категориях отсталости и дефектных форм демократии, теряет свою актуальность. Как справедливо заметил В. С. Мартьянов, «...риторику недостойного правления можно с легкостью обратить против любого западного общества, чья актуальная повседневность весьма условно соответствует либерально-демократическим идеалам... Мейнстрим теряет убедительность, которая была основана на символе веры в универсальный рынок, либерализм и демократию, воплощенные в самой онтологии западных обществ» (Мартьянов, 2021, с. 118–119).

Очевидно, что в условиях экономической стагнации и вызванных ею структурных конфликтов данный мейнстрим не может обеспечивать ценностно-идеологическую легитимацию коллективных интересов Запада.

В связи с этим возникает необходимость использования вспомогательных метафор, которые выполняют роль надстройки над базовыми компонентами либерального консенсуса с целью сохранения его ключевых идеологических смыслов. Концепт «мягкой силы», а впоследствии «умной» и «острой» силы, является наглядным примером попытки сгладить в культурной плоскости снижение военно-экономического влияния западных гегемонов, таких как США и ЕС, в сравнении с незападными центрами силы – Китаем, Индией, Россией и т. д. (Мартьянов, Руденко, 2022, с. 39).

Цель данной статьи – критическое осмысление понятия «острая сила», которое было относительно недавно введено в научный оборот К. Уокером и Дж. Людвиг, сотрудниками Национального фонда в поддержку демократии. Как иностранные, так и отечественные исследователи по-разному оценили возможность формирования новой аналитической рамки, поставив под вопрос не только новизну концепта, но и его научную объективность. В этой связи основным объектом нашего исследования является интерпретация понятия «острой силы» в основополагающих работах К. Уокера и Дж. Людвиг, в отзывах на них автора концепции «мягкой» и «умной» силы Дж. Ная, в трудах ряда зарубежных и российских ученых. Гипотеза заключается в том, что многообразие толкования термина «острая сила» связано с его чрезмерной политической окрашенностью и поиском со стороны представителей западного дискурса новых форм интеллектуального противостояния с нелиберальными системами ценностей.

Результаты исследования

Как известно, термин «мягкая сила» ввел в научный оборот в 1990 г. американский политолог Дж. Най-младший. В российской научной мысли изучению этого термина посвящено большое количество статей и монографий (Борисова и др., 2015; Русакова и др., 2015; Наумов, 2016; Неймарк, 2018; Паршин, 2020). В классическом труде «Мягкая сила»: средства достижения успеха в мировой политике» Дж. Най определял «мягкую силу» как возможность достигать целей на международной арене путем убеждения и привлечения симпатий других акторов, как способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек (Nye, 2004, p. x). Противопоставляя «жесткую силу», под которой понималась в первую очередь военная и экономическая сила, «мягкой силе», Дж. Най утверждал, что грамотное применение последней подобно долгосрочным политическим инвестициям, доход от которых политики получают в будущем, подчеркивая, что желаемые результаты могут проявляться в формировании массового влияния на мнение зарубежных аудиторий, а не в точечном эффекте, как в случае с «жесткой силой» (Nye, 2007b, p. 396).

В 2008 г. по результатам заседания рабочей группы американского Центра стратегических и международных исследований во главе с самим Дж. Наем и Р. Армитаджем, заместителем госсекретаря США в 2001–2005 гг., было представлено понятие «умной силы», сочетавшей в себе технологии как «мягкой», так и «жесткой» силы¹. Необходимость разработки нового подхода была вызвана

¹ CSIS Commission on smart power. *A smarter, more secure America* (2007). Retrieved

стремлением руководства Соединенных Штатов гарантировать как отдельным лицам, так и целым странам доступ к объектам и ценностным подходам, которые имеют, по мнению Вашингтона, универсальный характер, но не могут быть получены без лидерства США (Nye, 2008, p. 7). «Мягкая сила» не есть решение всех проблем», – писал Дж. Най, и добавлял, что «умная сила» – это не просто «мягкая сила 2.0», речь идет о способности соединять их в эффективную стратегию, применяемую при различных обстоятельствах (Nye, 2011, p. xv).

В связи с постепенной утратой странами коллективного Запада роли лидера в военной и экономической отраслях в последние годы с его стороны предпринимались многочисленные попытки сохранить первенство в идеологическом пространстве. В 2017 г. в общественно-политическом дискурсе появился термин «острая сила». Разработчиками новой концепции выступили К. Уокер и Дж. Людвиг, сотрудники американского Национального фонда в поддержку демократии. В статье «Значение «острой силы». Как авторитарные государства формируют свое влияние» (Walker & Ludwig, 2017), вышедшей в журнале *Foreign Affairs*, они утверждали, что говорить о наличии «мягкой силы» у государств, не принадлежащих к клубу демократических стран, не только неправомерно, но и опасно для тех демократий, в которых авторитарные режимы стремятся продвинуть свою систему норм и ценностей, прибегая при этом к инструментам «мягкой силы». Объектом исследования стали внешнеполитические практики Российской Федерации и Китайской Народной Республики, в то время как в коллективном докладе «Острая сила»: растущее влияние авторитаризма², выпущенном в декабре 2017 г. тем же Национальным фондом в поддержку демократии и Международным форумом демократических исследований, изучался характер влияния этих двух стран на демократические системы в ряде государств Восточной Европы и Латинской Америки. Во введении к докладу К. Уокер и Дж. Людвиг выдвинули тезис, что Россию и Китай объединяет характер распространения влияния, поскольку «некоторые из их методов, хотя и не являются жесткими в откровенно принудительном смысле, на самом деле также не являются мягкими»³.

Авторитарные инициативы имеют, по мнению американских политологов, поистине глобальный масштаб и покрывают многочисленные сферы общественной жизни в демократических странах на всех континентах. По этой причине исследователи настаивают, что практики агентов авторитарных режимов, направленные на получение одобрения зарубежной аудитории, неуместно называть «мягкой силой», несмотря на внешнее сходство с ее ресурсами, инструментами и технологиями, т. к. они являются именно «острой силой». Как отмечают К. Уокер и Дж. Людвиг, внешнеполитическая деятельность не-

May 15, 2022, from https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf

² *Sharp power: Rising authoritarian influence* (2017, December 5). Retrieved May 15, 2022, from <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report/>

³ Walker Ch., & Ludwig J. (2017, December 5). From “soft power” to “sharp power”: Rising authoritarian influence in the democratic world. In *Sharp power: Rising authoritarian influence*. Retrieved May 15, 2022, from <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report/>

демократических государств по формированию привлекательного образа не является стремлением «поделиться альтернативными идеями» или «расширить дискуссию», как позиционируют свою активность российские и китайские государственные информационные агентства, поскольку речь в данном случае идет не о привлечении или убеждении, о чем писал Дж. Най, а об отвлечении внимания и разного рода манипуляциях (Walker & Ludwig, 2017).

Как отмечалось в указанной выше статье, подобное воздействие со стороны России и Китая осуществляется в первую очередь в жизненно важных сферах, которые имеют решающее значение для формирования общественного мнения, причем это делается усилиями целого ряда акторов, включая средства массовой информации, академические круги, институты культуры, аналитические центры и политические сообщества. К. Уокер и Дж. Людвиг утверждают, что только за последнее десятилетие Китай потратил десятки миллиардов долларов на программы, целью которых является формирование положительного общественного мнения о КНР в ряде стран, используя разнообразный инструментарий, включающий многочисленные двусторонние и многосторонние обмены, масштабные культурные мероприятия и образовательные программы, развитие медиапредприятий с глобальным охватом. В поле особого внимания экспертов Национального фонда в поддержку демократии оказалась сеть Институтов Конфуция, которые «претендуют на то, чтобы быть похожим на Институт Гете и «Альянс Франсез». При этом представительства Института Конфуция координируются Ханьбань (подчиненной Министерству образования КНР Канцелярией Международного совета китайского языка. – А. Н., М. Б.), его правительственной штаб-квартирой» (Walker & Ludwig, 2017).

Примерно в этот же период, по утверждению разработчиков концепции «острой силы», российское правительство приняло многочисленные меры, направленные на расширение своего присутствия среди зарубежной аудитории. В середине 2000-х гг. Кремль запустил глобальную телевизионную сеть *Russia Today*, переименованную позже в RT, а также нарастил возможности по манипулированию контентом в Интернете, усилил поддержку государственных политических институтов и в целом сформировал сеть многочисленных программ и мероприятий, направленных на изменение мнения зарубежной общественности в свою пользу (Walker & Ludwig, 2017).

Более четкое представление о намерениях российского и китайского режимов, по убеждению К. Уокера и Дж. Людвиг, можно получить из их внутривластной и медийной повестки. «Пекин и Москва методично подавляли подлинное инакомыслие, запугивали или заставляли замолчать политических оппонентов, наводняли общественную информационную повестку пропагандистским контентом и умело включали в эту систему независимые голоса и институты, при этом стремясь сохранить обманчивую видимость плюрализма, открытости и современности», – пишут американские политологи. Исходя из анализа подобных стратегий и технологий, они дают определение «острой силе», называя ее «формами влияния авторитарных государств, которые проникают в политическую и информационную среду целевых стран, пронзают ее или оставляют в ней брешу... «Острая сила» позволяет авторитарным режимам врезаться в ткань общества, разжигая и усиливая существующие разногласия» (Walker & Ludwig, 2017). Таким образом, «острая сила» отли-

чается от «мягкой» в первую очередь тем, что она основана на принуждении к принятию определенных нарративов. Субъекты, прибегающие к внедрению элементов «острой силы», не стремятся «завоевать умы и сердца», что лежит в основе концепции «мягкой силы», а пытаются манипулировать целевыми аудиториями, искажая информацию, которая доходит до них⁴.

Вместе с тем «острая сила» не является, по мнению экспертов Национального фонда в поддержку демократии, и «жесткой силой», поскольку в отличие от видимых результатов применения «жесткосиловых» инструментов технологии «острой силы» имеют элементы скрытности, за счет чего деструктивную деятельность авторитарных режимов бывает трудно обнаружить и доказать в ней наличие силовых подходов. Это дает актерам, прибегающим к «острой силе», преимущество во времени, которое используется для распространения притягательных образов для непривлекательных ценностей авторитарных систем: монополии на власть, контроля «сверху вниз», цензуры и принудительной или полученной в обмен на финансовые блага преданности⁵.

К. Уокер и Дж. Людвиг признают, что применение «острой силы» на первый взгляд соответствует проекции «мягкосилового» влияния, с той разницей, что оно исходит от авторитарных режимов, и по этой причине представляется затруднительным отличить силу принуждения от силы, с помощью которой формируются привлекательные образы (Walker & Ludwig, 2017). По сути, авторы термина «острая сила» применяют его по отношению фактически ко всем практикам внешнеполитической деятельности стран, которые коллективным Западом принято считать авторитарными. Американские эксперты подчеркивают, что даже в тех случаях, когда речь идет о продвижении элементов культуры недемократических государств, эти действия политически мотивированы, поэтому относятся к технологиям «острой силы». Более того, они настаивают на том, что авторитарные режимы в принципе не могут иметь ресурсы «мягкой силы», а вся концепция «мягкосилового» влияния на международной арене требует обновления.

Введение нового понятия в научный дискурс привлекло внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей. На сегодняшний день сформировался внушительный пласт научных трудов, посвященных рассмотрению концепта «острой силы» в различных ракурсах (см., например, Волкова и др., 2020; Кузнецов, 2021; Лазоркина, 2019; Леонова, 2019; Табаринцева-Романова, 2021; Fulda, 2020; Messa, 2019; Short, 2018).

Отреагировал на появление термина и Дж. Най, обозначив его как «новое понятие для описания старой угрозы» (Nye, 2018). Он упомянул, что «острая сила», которая подразумевает обманное использование информации во враждебных целях, является разновидностью «жесткой силы» с многолетней историей. В частности, к таким методам прибегали Соединенные Штаты и Советский Союз во времена холодной войны. Новым, по мнению автора, является скорость, с которой может распространяться такая дезинформация, а также низкая стоимость ее распространения. Таким образом, проекция «острой силы» на те же самые аудитории, которые являются реципиентами об-

---

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

разов «мягкой силы» демократических стран, представляет собой негативную сторону роста коммуникационных технологий и связанных с ними процессов глобализации, о роли которых в применении инструментов «мягкой силы» Дж. Най писал ранее (Nye, 2002, pp. 60–76). По его мнению, основной ошибкой со стороны ведущих демократий относительно применения технологий «острой силы» авторитарными режимами может стать реакция, направленная на сдерживание деятельности этих стран, в частности, России и Китая, вне зависимости от характера этой деятельности.

Во-первых, подражание методам противников подорвет «мягкую силу» открытости общества, которая является одним из основных ресурсов формирования привлекательного образа западных стран. Поскольку основной ресурс формирования «мягкосиловых» инструментов берет истоки в большей степени в гражданском обществе, чем в рамках реализации официальных программ публичной дипломатии, наложение жестких ограничений или прекращение открытости приведет к растрате этого важнейшего актива. По мнению ученого, авторитарные страны испытывают трудности с формированием притягательного образа своих стран за рубежом именно из-за их нежелания раскрыть колоссальный потенциал своих гражданских обществ (Nye, 2020, p. 124).

Во-вторых, Дж. Най, в отличие от К. Уокера и Дж. Людвиг, признает за авторитарными государствами компетенции в области технологий применения «мягкой силы», заявляя, что хотя «острая» и «мягкая» сила работают совершенно по-разному, различие между ними бывает трудно установить – и это часть того, что затрудняет реагирование на «острую силу». Исследователь утверждает, что любые действия, направленные на убеждение реципиента, могут быть осуществлены по-разному в зависимости от того, как преподнести информацию. Только в том случае, когда подача происходит в формате, предполагающем обман, который ограничивает добровольный выбор реципиента, убеждение превращается в принуждение. Именно эти характеристики – с одной стороны, гарантия открытости, с другой стороны, наложение ограничений на преднамеренный обман – отличают «мягкую силу» от «острой» (Nye, 2018).

В-третьих, по мнению Дж. Ная, дисквалификация применения легальных китайских и российских инструментов «мягкой силы» может быть контрпродуктивной, поскольку они играют значительную роль для формирования конструктивной повестки в ряде областей. Например, программы обмена между США и КНР, которые повышают их обоюдную привлекательность, полезны для обеих стран. Также в рамках поиска решений для транснациональных проблем, таких как изменение климата, киберпреступность или борьба с пандемией, «мягкая сила» может помочь укрепить доверие и сформировать сети, которые облегчают взаимодействие (Nye, 2018).

Дж. Най констатирует, что западные демократии еще не разработали адекватные стратегии противодействия технологиям «острой силы». По мнению ученого, открытость остается лучшей защитой: столкнувшись с элементами подобных техник влияния, представители медийного пространства, ученые, общественные организации, правительство и частный сектор должны сосредоточиться на разоблачении методов информационной войны, воздействуя на общественность путем распространения информации о подобной деятельности. «Даже при растущем применении инструментов «острой силы» им (де-

мократическим странам. – А. Н., М. В.) нечего бояться в открытой конкуренции с автократиями за успешное использование технологий «мягкой силы» (Нуе, 2018).

Интересно, что ряд иностранных авторов, анализируя концепцию «острой силы», наполняют понятие смыслами, значительно отличающимися от содержания, которое вкладывали в него К. Уокер и Дж. Людвиг, несмотря на то, что продолжают соотносить его исключительно с нелиберальными политическими системами. К примеру, британский исследователь А. Фульда в монографии «Борьба за демократию в материковом Китае, Тайване и Гонконге. «Острая сила» и ее несоответствия» определяет подход к применению «острой силы» Коммунистической партии Китая (КПК) как «масштабирование метода Единого фронта, концептуализация политического процесса как игры с нулевой суммой и мировоззрение, которое делит реальность на друзей и врагов» (Fulda, 2020, p. 212). Применяя принцип историзма, автор сравнивает и противопоставляет политическую траекторию развития материкового Китая, Тайваня и Гонконга с 1970-х гг. до наших дней. Одним из центральных тезисов книги является заявление, что КПК эффективно применила тактику «острой силы» для сдерживания политической оппозиции в материковом Китае, в то время как ее попытки повлиять на политическое развитие на Тайване и в Гонконге были значительно менее успешными; более того, их граждане «за последние два десятилетия... сформировали надежную оборону в виде демократических ценностей и практик» (Fulda, 2020, p. 2). Очевидно, что в данном случае термин «острая сила» используется для характеристики отдельных аспектов политико-исторического процесса, который не имеет прямого отношения к дихотомии «мягкой» и «острой» силы, которая лежит в основе подхода К. Уокера и Дж. Людвиг.

С. Шорт в своей работе «Острая сила» пишет: метод КНР для обеспечения легитимности ее политики невмешательства также прибегает к концепту «острой силы» для изучения того, как отдельные подразделения КПК, ответственные за воздействие на нарративы за рубежом, используют новые методы влияния. При этом автор утверждает, что «острой силой» в данном случае выступают технологии, которые направлены на сохранение политики невмешательства КНР во внутренние дела суверенных стран при одновременном укреплении собственного влияния в мире. В работе на примере кейсов Австралии и Аргентины описывается, как КПК использует методы «острой силы» в этих странах. Как и А. Фульда, С. Шорт отходит от первоначального предметно-понятийного содержания термина и утверждает, что основной причиной разработки инструментов «острой силы» является стремление КНР расширить свое влияние в мире, сохраняя преемственность в политике невмешательства⁶.

Таким образом, в зарубежном дискурсе становится очевидным ряд противоречий относительно того, что представляет собой «острая сила», как этот

⁶ Short, S. (2018, May 4). *Sharp power: China's solution to maintaining the legitimacy of its non-interference policy*. Retrieved May 15, 2022, from <https://iro.uiowa.edu/esploro/outputs/undergraduate/Sharp-Power-Chinas-Solution-to-Maintaining/9984111232602771#details>

термин соотносится с понятиями «жесткой» и «мягкой» силы, а также в каких случаях можно говорить о технологиях применения «острой силы», сохраняя при этом научную объективность. Тем не менее, несмотря на несоответствия и нестыковки, иностранные исследователи в большинстве трудов по этой теме настаивают на том, что феномен «острой силы» проявляется исключительно в тех случаях, когда ее технологии используют для продвижения интересов и ценностей тех стран, которые на Западе принято относить к авторитарным.

Среди отечественных исследователей, анализирующих концепт «острой силы», также нет единого мнения относительно того, каким содержанием его наполнять. К. М. Табаринцева-Романова, проведя в своей работе «Новые S-мощи государства: теоретический аспект» сравнительный анализ «мягкой», «жесткой», «умной», «острой» силы, а также других видов внешнеполитической деятельности, например, таких как «нормативная» и «идеологическая» сила, приходит к выводу, что реальное разделение существует между «жесткой» и «мягкой» силой, все остальные виды, включая «острую силу», представляют собой их гибридные формы (Табаринцева-Романова, 2021, с. 77). О. И. Лазоркина в публикации «Sharp power» или авторитаризм в действии» критикует концепцию К. Уокера и Дж. Людвиг, поскольку в ее основе лежат «эмоции, которые подпитываются фактами», а «оценки, представленные в докладе, несут крайне субъективный характер» (Лазоркина, 2019, с. 30). Исследователь призывает критически подходить к новой терминологии, поскольку она направлена скорее на закрепление обострившегося в последние годы идеологического и информационного противостояния стран либерального лагеря и остального мира.

Схожую аргументацию приводят авторы публикации «Концепт «острой силы» в исследованиях внешнеполитических стратегий», указывая на негативные последствия попытки разграничения «мягкой» и «острой» силы. По их мнению, реализация такого подхода на практике сопряжена с разделением поступающей в общественное пространство информации в соответствии с ее источником. Согласно концепту «острой силы», позиция стран с нелиберальными формами правления должна восприниматься как заведомо искаженная, поскольку формирование объективной точки зрения в условиях государственной монополии на информационную повестку представляется априори невозможным. Очевидно, что введение термина «острая сила» действительно не расширяет аналитическую рамку для исследования внешнеполитической деятельности, зато создает новую разделительную линию, которая способствует обострению информационной войны (Волкова и др., 2020, с. 21).

Отдельный пласт отечественных исследований в области «острой силы», в рамках которого раскрывается ее суть как набора дискурсивных и коммуникативных практик, представлен в работах А. А. Романова и Л. А. Романовой. Как утверждают исследователи, технологии «острой силы» являются функциональным инструментарием реализации комплексной стратегии перформативного общественного мнения в стране-реципиенте. При этом основная цель использования подрывных механизмов в информационно-психологическом противостоянии сводится к формированию вербальных практик, максимально коррелирующих с болевыми точками объекта воздействия (Романов, 2020; Романов, Романова, 2020; Романов и др., 2020).

О. Г. Леонова в работе «Sharp power – новая технология влияния в глобальном мире» рассматривает ряд исследований, в которых данный термин изучается с точки зрения применения информационных технологий в деструктивных целях. Автор также предлагает определение «острой силы» как совокупности «информационных операций влияния и методов информационного кибертерроризма» (Леонова, 2019, с. 22). В соответствии с направлением исследований западных коллег в этой области О. Г. Леонова анализирует «острую силу» Китая, России и Ирана, однако не задается вопросом, насколько правомерно говорить о технологиях применения «острой силы» западными странами.

В целом проблема изучения феномена «острой силы», на наш взгляд, сопряжена в первую очередь с политизацией термина «мягкая сила» в связи с попытками западных исследователей оправдать мейнстрим, страдающий от неспособности его носителей – либеральных демократий – обеспечить человечеству постоянный рост уровня жизни и возможностей. Противопоставление «мягкой» и «острой» силы по признаку либеральной/нелиберальной ориентированности субъекта является одним из проявлений конструирования «бинарных оппозиций, выстроенных в контрастных моральных категориях добра и зла, рая и ада, праведности и греха» (Мартьянов, Руденко, 2022, с. 31).

Очевидно, что логика мейнстрима коллективного Запада сводится к нормативной фиксации отклонений незападных стран от универсальных западных норм как патологии и несовершенства (Мартьянов, 2021, с. 125). На подобную неадекватность применения выработанного западными исследователями понятийно-категориального аппарата справедливо указывают В. Китинг и К. Качмарска, утверждая, что изучение «мягкой силы» в международных отношениях страдает от либерально-демократического смещения. В научной литературе либеральные концепции и ценности априори считаются универсальными по своей привлекательности. «Никакой другой набор ценностей не может быть концептуализирован как привлекательный; никакой другой набор ценностей не может распространиться за пределы узкой культурной среды. Эта некритическая вера в либерально-демократические ценности приводит к особому типу эмпирической слепоты: неспособности видеть нелиберальные политические ценности как потенциально привлекательные», – утверждают исследователи из Дании и Великобритании (Keating & Kaczmarek, 2019, p. 4).

Таким образом, в рамках превалирующего на Западе дискурса нелиберальные государства, такие как Китай и Россия, не могут генерировать инструменты «мягкой силы» без принятия либеральных норм, на основании которых правительства «проявляют самокритику и полностью раскрывают потенциал своего гражданского общества» (Nye, 2013). В лучшем случае продвижение ценностей, отличных от либеральных, преследует геополитические и прочие цели, но при этом не может соотноситься с «мягкосиловыми» стратегиями, поскольку исключительно ресурсы, берущие происхождение в странах с либерально-демократическими режимами, способствуют естественному развитию симпатий у реципиентов. К примеру, концепция Русского мира рассматривается рядом ученых как продвижение русского языка для легитимации цивилизационных амбиций России на постсоветском пространстве (Kudors, 2010) или для отчуждения бывших советских республик от Запада (Laruelle, 2015, pp. 17–19).

Если же отказаться от либерально-демократической парадигмы и допустить, что доверие у целевых аудиторий может вызывать не только формируемая западными странами повестка, то ситуация выглядит иначе. Нельзя не согласиться с В.С. Мартьяновым, что в глобальном мире вышеупомянутые бинарные оппозиции утратили свою убедительность и уступили место многообразию форм демократий и конфигурации рыночных отношений, когда «нелиберальная, авторитарная, заблокированная, фасадная, элитарная, ограниченная, электоральная, частичная, олигархическая демократия – тоже демократия» (Мартьянов, 2021, с. 123–124). Исходя из этого, можно утверждать, что «мягкая сила» незападных режимов – это не элемент информационной войны, пропаганды или генерации фейкового контента, а аутентичная «мягкая сила», соответствующая определению Дж. Ная, однако основанная на нелиберальных ценностях, таких, например, как политический консерватизм, примат государства, а не рынка, центральная роль политического лидера.

На наш взгляд, сложно найти аргументы, говорящие в пользу того, что продвижение подобных ценностей среди аудиторий, разделяющих их, равно как в тех странах-реципиентах, где они конкурируют с другими наборами ценностей и системами мировоззрений, является попыткой подорвать существующий общественный порядок. Безусловно, необходимо принимать во внимание, как, прибегая к каким средствам, субъекты распространяют соответствующие образы и убеждения, но в таком случае речь идет не об основополагающих источниках или содержательном наполнении ресурсов «мягкой силы», а о технологиях осуществления влияния на объект.

Мы допускаем, что термин «острая сила» можно определить как форму манипулирования общественным мнением с использованием ресурсов «мягкой силы» для дестабилизации социально-политической ситуации в зарубежных странах, и ресурсы «мягкой силы», такие как культура или политические ценности, могут служить основой для формирования стратегий и технологий «острой силы». К примеру, в том случае, когда подача информации происходит в формате, предполагающем обман или ее одностороннее освещение и ограничивающем тем самым добровольное принятие реципиентом решения, убеждение превращается в принуждение, а ресурсы «мягкой силы» используются в технологиях, которые Дж. Най охарактеризовал как «выкручивание мозгов» (Nye, 2007a, p. 170). Тем не менее, за исключением тех случаев, когда фальсификация информации или наложение запрета на критическую дискуссию доказуемы, отсутствие четкой границы между ситуациями, когда применяются технологии «мягкой» и «острой» силы, оставляет большое пространство для субъективной оценки. Исходя из этого, можно предположить, что термин «острая сила» действительно является политически окрашенной терминологической инновацией, изобретенной с целью формирования дискриминационного образа нелиберальной системы ценностей.

Заключение

Авторы термина «острая сила» К. Уокер и Дж. Людвиг применяют его по отношению фактически ко всем практикам внешнеполитической деятельности стран, которые принято относить к нелиберальным режимам, поскольку

эта деятельность является политически окрашенной и несет отпечаток политической системы, которая расценивается западным мейнстримом как дефектная или неполноценная. По этой причине страны, не разделяющие либеральный консенсус, не могут иметь ресурсов «мягкой силы», в связи с чем вся концепция «мягкосилового» влияния требует обновления.

Дж. Най представляет точку зрения, согласно которой нет необходимости переосмысливать концепцию «мягкой силы», потому что «острая сила», по сути, является разновидностью «жесткой силы». Политолог соотносит явления, приписываемые «острой силе», преимущественно с пропагандой и дезинформацией, применение которых сопоставимо с принудительными действиями по отношению к целевым аудиториям. Другими словами, К. Уокер и Дж. Людвиг постулируют, что «острая сила» является отдельной категорией, а не разновидностью «жесткой» или «мягкой» силы, в то время как Дж. Най видит в ней не что иное, как новый термин для описания одной из сторон «жесткой силы» – оказания принудительного воздействия через агрессивное продвижение информационной повестки, часть которой может быть искусственно сфабрикована и не соответствовать действительности.

В отечественной науке также нет единого мнения относительно того, что представляет собой «острая сила». Однако в отличие от западного научного дискурса российские исследователи выходят за пределы мейнстрима и указывают не только на гибридный характер понятия, но и на его конъюнктурное толкование, в соответствии с которым «острая сила» является таковой ситуативно, в зависимости от того, какой политический субъект выступает ее носителем.

Очевидно, что применение технологий «острой силы» представляет собой не неотъемлемое свойство деятельности нелиберальных стран, а универсальное явление, которое служит для описания деструктивных практик с применением ресурсов «мягкой силы». По этой причине определение К. Уокером и Дж. Людвиг «острой силы» как «формы влияния авторитарных государств с целью усиления существующих разногласий в странах-реципиентах» (Walker & Ludwig, 2017) нуждается, как минимум, в очень серьезной корректировке. Тот факт, что западные государства активно применяли в прошлом и применяют сейчас деструктивные технологии «острой силы», приписываемые авторами концепции исключительно таким странам, как Россия и Китай, на наш взгляд, не вызывает сомнений.

Список литературы

1. Борисова, Е.Г. (Ред.). (2015). *Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ*. М.: Флинта.
2. Волкова, Е. А., Лукина, Л. В., Лаптева, Ю. И. (2020). Концепт «острой силы» в исследованиях внешнеполитических стратегий. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология, (1), 17–22.
3. Кузнецов, Д. В. (2021). «Острая сила» в современном политическом дискурсе стран Запада и внешняя политика России и Китая. *Проблемы Дальнего Востока*, (3), 145–159. <https://doi.org/10.31857/S013128120015384-3>

4. Лазоркина, О.И. (2019). «Sharp power» или авторитаризм в действии. В *Дипломатия Беларуси: прошлое и настоящее: материалы научного семинара (28 марта 2019 г., Минск)* (с. 27–31). Минск: БГУ.
5. Леонова, О.Г. (2019). Sharp power – новая технология влияния в глобальном мире. *Мировая экономика и международные отношения*, 63(2), 21–28. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28>
6. Мартьянов, В.С. (2021). В поисках другого мейнстрима. *Политические исследования*, (4), 112–131. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09>
7. Мартьянов, В.С., Руденко, В.Н. (2022). Магия белого прогрессора: от глобального каргокульта к новой политической нормальности. *Полития*, (1), 24–49. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49>
8. Наумов, А.О. (2016). «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: Аргмак-Медиа.
9. Наумов, А.О. (2018). Традиционные и новые медиа как акторы «цветных революций». *Дискурс-Пи*, (3–4), 79–87. <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.7987>
10. Неймарк, М.А. (2018). «Мягкая сила» в мировой политике. М.: Дашков и Ко.
11. Паршин, П.Б. (2020). «Мягкая сила» в лабиринте дискуссий. М.: МГИМО-Университет.
12. Романов, А.А. (2020). «Войны без войн»: роль и влияние постправдивых дискурсивных практик «острой силы» в информационном противостоянии. В *Цифровизация: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции* (с. 434–441). Тверь: ТГСХА.
13. Романов, А.А., Романова, Л.А. (2020). Стратегический ресурс коммуникативных практик острой силы» в информационном противостоянии «война без войны». *Человек и язык в коммуникативном пространстве*, (11), 46–53.
14. Романов, А.А., Романова, Л.А., Морозова, О.Н. (2020). Коммуникативные практики «острой силы» как стратегические маркеры вербальной агрессии в информационных «войнах без войны». *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*, (1), 97–155.
15. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). *Soft power: теория, ресурсы, дискурс*. Екатеринбург: Дискурс-Пи.
16. Табаринцева-Романова, К.М. (2021). Новые S-мощи государства: теоретический аспект (soft, smart, sharp power). *Дипломатическая служба*, (1), 72–77. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2101-08>
17. Fulda, A. (2020). *The struggle for democracy in Mainland China, Taiwan and Hong Kong. Sharp power and its discontents*. London & New York: Routledge.
18. Keating, V.C., & Kaczmarek K. (2019). Conservative soft power: Liberal soft power bias and the ‘hidden’ attraction of Russia. *Journal of International Relations and Development*, 22(1), 1–27. <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0100-6>
19. Kudors, A. (2010). “Russian World” – Russia’s soft power approach to compatriots policy. *Russian analytical digest*, (81). Retrieved May 15, 2022, from https://www.files.ethz.ch/isn/117631/Russian_Analytical_Digest_81.pdf
20. Laruelle, M. (2015). *The “Russian World”: Russia’s soft power*

- and geopolitical imagination. Washington, D.C.: Center on Global Interests.
21. Messa, P. (2019). *The age of sharp power: China, Russia and Iran: The interference is not soft. The Italian Case*. Bocconi University Press.
  22. Nye, J. (2002). The information revolution and American soft power. *Asia Pacific Review*, 9(1), 60–76. <https://doi.org/10.1080/13439000220141596>
  23. Nye, J. (2004). *Soft power: The Means to success in world politics*. New York: Public Affairs.
  24. Nye, J. (2007a). Notes on a soft power research agenda. In F. Berenskoetter, & M.J. Williams, *Power in world politics* (pp. 162–172). Routledge.
  25. Nye, J. (2007b) The place of soft power in state-based conflict management. In C.A. Crocker, & F.O., Hampson (Eds.), *Leashing the dogs of war: Conflict management in a divided world* (pp. 389–400). United States Institute of Peace Press.
  26. Nye, J. (2008). Smart power and the war on terror. *Asia-Pacific Review*, 15(1), 1–8. <https://doi.org/10.1080/13439000802134092>
  27. Nye, J. (2011). *The Future of power*. Public Affairs.
  28. Nye, J. (2013, April 29). *What China and Russia don't get about soft power?* Retrieved May 15, 2022, from <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/>
  29. Nye, J. (2018, January 24). *How sharp power threatens soft power*. Retrieved May 15, 2022, from <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>
  30. Nye, J. (2020). Perspectives for a China strategy. *Prism*, 8(4), 121–131.
  31. Walker, Ch., & Ludwig, J. (2017, November 16). *The meaning of sharp power. How authoritarian states project influence*. Retrieved May 15, 2022, from <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power>

References

1. Borisova, E.G. (Ed.). (2015). *Soft power, myagkaya sila, myagkaya vlast'. Mezhdisciplinarnyj analiz* [Soft power, soft authority. An interdisciplinary analysis]. Moscow: Flinta.
2. Fulda, A. (2020). *The struggle for democracy in Mainland China, Taiwan and Hong Kong. Sharp power and its discontents*. London & New York: Routledge.
3. Keating, V.C., & Kaczmarek K. (2019). Conservative soft power: Liberal soft power bias and the 'hidden' attraction of Russia. *Journal of International Relations and Development*, 22(1), 1–27. <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0100-6>
4. Kudors, A. (2010). "Russian World" – Russia's soft power approach to compatriots policy. *Russian analytical digest*, (81). Retrieved May 15, 2022, from https://www.files.ethz.ch/isn/117631/Russian_Analytical_Digest_81.pdf
5. Kuznetsov, D.V. (2021). "Ostraya sila" v sovremennom politicheskom diskurse stran Zapada i vneshnyaya politika Rossii i Kitaya ["Sharp power" in the modern political discourse of Western countries and the foreign policy of Russia and China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, (3), 145–159. <https://doi.org/10.31857/S013128120015384-3>
6. Laruelle, M. (2015). *The "Russian World": Russia's soft power and geopolitical imagination*. Washington, D.C.: Center on Global Interests.

7. Lazorkina, O.I. (2019). “Sharp power” ili avtoritarizm v dejstvii [“Sharp power” or authoritarianism in action.] In *Diplomatiya Belarusi: proshloe i nastoyashchee: materialy nauchnogo seminara (28 marta 2019 g., Minsk)* (pp. 27–31). Minsk: BGU.
8. Leonova, O.G. (2019). Sharp power – novaya tekhnologiya vliyaniya v global’nom mire [Sharp power – the new technology of influence in a global world]. *Mirovaya e’konomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 63(2), 21–28. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28>
9. Martianov, V.S. (2021). V poiskah drugogo mejnstrima [In search of another mainstream]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 112–131. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09>
10. Martianov, V.S., & Rudenko, V.N. (2022). Magiya belogo progressora: ot global’nogo kargokul’ta k novoj politicheskoy normal’nosti [The magic of the white progressor: From global cargo cult to a new political normality]. *Politiya*, (1), 24–49. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49>
11. Messa, P. (2019). *The age of sharp power: China, Russia and Iran: The interference is not soft. The Italian Case*. Bocconi University Press.
12. Naumov, A.O. (2016). “Myagkaya sila”, “cvetnye revolyucii” i texnologii smeny politicheskix rezhimov v nachale XXI veka [Soft power, color revolutions and regime change technology in the beginning of the XXI century]. Moscow: Argamak-Media.
13. Naumov, A.O. (2018). Tradicionnye i novye media kak aktory “cvetnyx revolyucij” [Traditional and new media as actors of color revolutions]. *Diskurs-Pi*, (3–4), 79–87. <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.7987>
14. Neimark, M.A. (2018). “Myagkaya sila” v mirovoj politike [Soft power in world politics]. Moscow: Dashkov i Ko.
15. Nye, J. (2002). The information revolution and American soft power. *Asia Pacific Review*, 9(1), 60–76. <https://doi.org/10.1080/13439000220141596>
16. Nye, J. (2004). *Soft power: The Means to success in world politics*. New York: Public Affairs.
17. Nye, J. (2007a). Notes on a soft power research agenda. In F. Berenskoetter, & M.J. Williams, *Power in world politics* (pp. 162–172). Routledge.
18. Nye, J. (2007b) The place of soft power in state-based conflict management. In C.A. Crocker, & F.O., Hampson (Eds.), *Leashing the dogs of war: Conflict management in a divided world* (pp. 389–400). United States Institute of Peace Press.
19. Nye, J. (2008). Smart power and the war on terror. *Asia-Pacific Review*, 15(1), 1–8. <https://doi.org/10.1080/13439000802134092>
20. Nye, J. (2011). *The Future of power*. Public Affairs.
21. Nye, J. (2013, April 29). *What China and Russia don’t get about soft power?* Retrieved May 15, 2022, from <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/>
22. Nye, J. (2018, January 24). *How sharp power threatens soft power*. Retrieved May 15, 2022, from <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>
23. Nye, J. (2020). Perspectives for a China strategy. *Prism*, 8(4), 121–131.
24. Parshin, P.B. (2020). “Myagkaya sila” v labirinte diskussij [Soft power in the maze of discussions]. Moscow: MGIMO-Universitet.

25. Romanov, A. A. (2020). “Vojny bez vojn”: rol’ i vliyanie postpravdivykh diskursivnykh praktik “ostroj sily” v informacionnom protivostoyanii [“Wars without warfares”: The role and influence of post-truth discursive practices of “sharp power” in information confrontation]. In *Cifrovizaciya: tekhnologicheskie resursy, novye vozmozhnosti i vyzovy vremeni. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (pp. 434–441). Tver: TGSXA.
26. Romanov, A. A., & Romanova, L. A. (2020). Strategicheskij resurs kommunikativnykh praktik “ostroj sily” v informacionnom protivostoyanii “voina bez vojny” [Strategic resource of communicative practices of “sharp power” in the situation of “wars without warfares”]. *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnykh statej*, (11), 46–53.
27. Romanov, A. A., Romanova, L. A., & Morozova, O. N. (2020). Kommunikativnye praktiki “ostroj sily” kak strategicheskie markery verbal’noj agressii v informacionnykh “vojnah bez vojny” [Communicative practices of “sharp power” as strategic markers of verbal aggression in informative “wars without warfares”]. *Mir lingvistiki i kommunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal*, (1), 97–155.
28. Rusakova, O. F. (Ed.). (2015). *Soft power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft power: Theory, resources, and discourse]. Ekaterinburg: Diskurs-Pi.
29. Tabarintseva-Romanova, K. M. (2021). Novye S-moshchi gosudarstva: teoreticheskij aspekt (soft, smart, sharp power) [New “S” powers of the state: Theoretical aspect (soft, smart, sharp power)]. *Diplomaticheskaya sluzhba*, (1), 72–77. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2101-08>
30. Volkova, E. A., Lukina, L. V., & Lapteva, Yu. I. (2020). Koncept “ostroj sily” v issledovaniyah vneshnepoliticheskikh strategij [The concept of sharp power in foreign policy strategies studies]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*, (1), 17–22.
31. Walker, Ch., & Ludwig, J. (2017, November 16). The meaning of sharp power. How authoritarian states project influence. Retrieved May 15, 2022, from <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power>

Информация об авторах

Александр Олегович Наумов, доктор исторических наук, доцент кафедры международных организаций и проблем глобального управления, факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8366-5934>, e-mail: naumovao@my.msu.ru

Марина Владимировна Белоусова, ассистент кафедры международных организаций и проблем глобального управления, факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2260-8522>, e-mail: belousova@spa.msu.ru

Information about the authors

Aleksandr Olegovich Naumov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Organizations and Global Governance, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8366-5934>, e-mail: naumovao@my.msu.ru

Marina Vladimirovna Belousova, Assistant, Department of International Organizations and Global Governance, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2260-8522>, e-mail: belousova@spa.msu.ru